

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 14 февраля 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 14 de febrero de 1987 No. 1907

МЫСЛИ ВСЛУХ

СДЕРЖИВАЮЩИЙ ПРОТИВОВЕС?

Ярким примером полной неэффективности так называемого "разделения властей", в тех случаях, когда все эти власти имеют партийное происхождение, является захват власти национал-социалистической партией в Германии.

На выборах в Рейхстаг 31 июля 1932 года, национал-социалистическая партия получила 230 мест, что равнялось 37,8 % от общего числа в 608. Председателем Рейхстага выбирают Геринга, будущего "рейхсмаршала". Каким "сдерживающим противовесом" (по теории "разделения", но не *ограничения* властей) по отношению к "исполнительной власти" могла быть такая "законодательная власть", под председательством такой чисто партийной фигуры, полностью подчиненной партийной идеологии и партийной дисциплине?

Через полгода, 30 января 1933 года, президент республики, Гинденбург назначает Гитлера рейхсканцлером, то есть главой "исполнительной власти". (Между прочим, многие немецкие историки, например Иоаннес Гартманн, считают, что если бы главой государства был традиционный монарх, а не президент республики, такое назначение было бы невозможно. Точно также, без ликвидации монархии, в России была бы невозможна цепь самозванцев после февраля 1917 года).

Еще через четыре недели, поджог Рейхстага дает возможность Гинденбургу опубликовать, так называемый, "чрезвычайный эдикт". Глава государства устраняет все ограничения для власти исполнительной. Но этого мало. Отделенная, в строгом согласии с рецептами Монтескье, законодательная власть, в свою очередь, утверждает, 23 марта, "закон для удержания безоговорочного положения народа и Рейха", короче называемого "уполномочивающим законом". Все партии Рейхстага, за исключением социалдемократов, проголосовали за этот закон квалифицированным большинством (441 голос за, 94 голоса против). Коммунисты были недопущены на заседание. Этот закон уполномочивал исполнительную власть управлять в течение четырех лет при помощи декретов, не считаясь ни с Рейхстагом, ни с конституцией.

В связи с этим историческим примером, встают два вопроса: имели ли народные представители в Рейхстаге, то есть представители "верховой власти, народа, право и полномочия санкционировать такой закон? Имели ли эти самые народные представители в Рейхстаге практическую возможность *не проголосовать* за такой закон, будучи подчинены партийной дисциплине своих партий, в которых они состояли?

И. А.

Важно быть на коне сегодня?

Семидесятилетний социалистический опыт в нашей стране привел к очевидным отрицательным результатам. В течение долгого времени делались все усилия, для того, чтобы скрыть эти результаты, а еще до этого, в самом начале опыта, объяснялись "пережитками прошлого". Однако, результаты стали принимать катастрофические размеры. Даже дело не в том, что "количество" стало "переходить в качество", по марксистской доктрине, а просто в том что *параллельно аккумулярованию социалистических результатов, истощались ресурсы, накопленные до социалистического опыта.*

Беда в том, что социалистический опыт осуществляется социалистической системой, узурпировавшей всю власть в нашей стране. Таким образом, сама система не только проводит опыт, долженствующий доказать, что она, эта система, является наилучшей системой, но она же обладает государственной властью, для того, чтобы по своему усмотрению истолковывать результаты опыта, и для того, чтобы делать те или иные выводы из этих результатов. Единственно чего она не может сделать — это изменить сами результаты.

Катастрофическое накопление этих результатов, наряду с параллельным истощением ресурсов, привело к невозможности дальнейшего их замалчивания. Так был придуман очередной диалектический трюк: предать гласности эти результаты, избегая при этом самого понятия "результаты". Другими словами, описать явления, без того, чтобы их как-то определять, и без того, чтобы указывать на их причины. Другими словами, социалистическая система и в данном случае, даже в такой критический для нее момент, не может отказаться от своей принципиальной ненаучности. Без выяснения *причин* тех или иных отрицательных явлений, нет *научного подхода* для их преодоления. Хуже того: без указания *настоящих* причин, необдуманно выискивать причины надуманные. Однако, в таком случае, от ложных причин, идет прямой путь и к ошибочному лечению.

Печать нашей страны в последнее время начала пестреть материалами, подтверждающими вышесказанное. Особенно интересна статья Ивана Васильева "Анатомия поденщины", опубликованная в советском журнале "Современник", во второй половине 1986 года (статья подписана в мае 1986 года).

Автор статьи начинает с разбора обыденной фразы ("в высшей степени благородной, патристической"): "Мы призваны производить". За этой фразой, согласно автору, скрывается "поденщина". Он говорит, что "поденка" существует с древних времен, но что сегодня в этой древней форме имеется новое содержание. Дело в том, что "за малым исключением, вся история поденки связана с частной собственностью... Мы, то есть социалистическое общество, успели о частнике позабыть, мы его не пом-

ним, более полувека живем в условиях абсолюта общенародной собственности. Теоретически поденщина как социально явление.. места не должно быть. А оно есть. Более того, не как рудимент... а как коррозия, которая, распространяясь, разъедает общественный организм".

Невольно напрашивается вопрос: почему же эта поденщина, если она существует в древних временах, за это долгое время, не распространилась как "коррозия, которая разъедает общественный организм"? Почему это распространение произошло именно за последних "полувека социалистического общества"? А просто потому, что только в социалистическом обществе поденщиками являются все, сверх донизу, и никому уравнивать и сдерживать этих поденщиков, так как все хозяйевы-частники ликвидированы. Равновесие в обществе полностью, до максимума нарушено. Автор статьи вынужден это признать:

"Заглянем в сущность поденки, увидим коренное отличие "новой" от "традиционной". В условиях общенародной собственности работника на поденную работу нанимает не хозяин-владелец дела, а такой же поденщик, уполномоченный от имени государства управлять делом. Этот, второй, в свою очередь, уполномочен (назначен) третьим и т. д... Получается цепочка (точнее пирамида) уполномоченных на окладе, материально не зависящих от результатов труда непосредственного исполнителя работы... В такой пирамиде даже при наличии самых жестких инструкций, очерчивающих круг объективных, причему действию они имеют только сверху вниз, отчего роль субъективности еще больше возрастает".

Автор спрашивает: "Есть ли альтернатива"? (Между прочим, этот вопрос, как и само содержание статьи, невольно наводят на мысль: не является ли эта статья своего рода откликом не только на современное положение в нашей стране, но и на некоторые конкретные альтернативы выхода из этого положения. В частности, мы имеем ввиду проект "социального равновесия" А. Федосеева, опубликованный в его труде "Альтернатива", а также и в "Нашей Стране", №№ 1900 и 1901, в статье "Социальное равновесие").

Автор статьи сам себе отвечает: "Конечно. На всякое ядие есть противоядие". И он тут же прописывает это противоядие. К сожалению, без выяснения настоящих источников яда, без его точного определения, нельзя подобрать и соответствующее противоядие. Больше того, может получиться, что от неправильного противоядия положение еще больше ухудшится, или, во всяком случае, болезнь опасно затянется, и даже может быть поздно потом ее правильно лечить. Автор предлагает, чтобы "нанимателем стал хозяин — народ", для того, чтобы избежать "поденщины как нежелательного социального

явления". ("Поденки как формы организации труда мы, вероятно, не избежим", говорит он). Но ведь до сих пор так оно и считалось, что "хозяином" был народ! Да, но предлагается новая "организационная форма такого содержания — *выборность* всех и всяких поденщиков с установлением окладов, вытекающих из конечных результатов совокупной деятельности". Автор добавляет, что "на этот путь и ориентируют общество решения 27-го съезда партии".

Значит, согласно этой новой "организационной форме", можно будет "выбирать" всех поденщиков, вплоть до стоящих на самом вершине социалистической "пирамиды", так как, согласно автору, все они поденщики? И можно будет устанавливать всем им, вплоть до стоящих на самом вершине пирамиды, "оклады, вытекающие из конечных результатов их совокупной деятельности"?

Но, "поскольку в одночасье такие повороты не происходят", говорит автор, "постольку анатомировать поденщину все-таки придется". И он ее "анатомизирует" на дальнейших 15 страницах своей статьи. Попробуем кратко резюмировать эту "анатомию поденщины".

"Поденщина как явление... это жизненная позиция нехозяина". Казалось бы чего проще: нашей стране нужен хозяин, нужны хозяева! Тогда поденщики, которые тоже останутся, будут уравновешены хозяевами, а хозяева поденщиками. Без ограничения хозяевами поденщиков, последние становятся монопольными хозяевами всего народного хозяйства, не только не будучи сами хозяевами, но и к тому же являясь по своей природе "нехозяевами". Такого поденщика "мы сами породили. Он не наследие, он — наше собственное создание. И породила его пирамида поденщиков-нанимателей". Автор спрашивает: "как это произошло". Оказывается, путем ограничения поденщиков не хозяевами, но другими бюрократами:

"Возникла другая пирамида — *контр-разрешителей*, без которых, как известно, поденщики-наниматели не смогли бы осуществлять свои функции. Но поскольку пирамида есть пирамида, постольку правомочной конторы фактически нет, каждая, прежде чем выдать решение разрешению на выдачу разрешения. Круг замкнулся. Работник как хозяин остался за чертой круга".

Автор дальше приводит конкретные примеры действий такой "пирамиды поденщиков" в нашей стране. В частности, он описывает и пример своего собственного села, когда к нему, как к писателю, пришли с просьбами "вмешаться" и защитить "бор, который оказался — в результате все расширяющейся застройки — в центре села и стал природным защитным занавесом от производственного окружения: птицефабрики, угольника, склада минеральных удобрений". Через этот бор начали "хо-

дять тридцатитонные махины" для постройки дороги в соседнюю деревню. Автор описывает "мамаево побоище" и "варварство" в бору: "Да это же верх поденщины, полная деградация хозяина! Дорожники лишь довершили то, что начали сами хозяева, владельцы земли и леса, жители села, работники, ибо загаженный бесчисленными свалками, неубранными сетками и досками от летних ферм, порубочными остатками, дохлой птицей, ржавым железом лес — это следы их производственной деятельности".

Уничтожение бора явилось в результате "союза двух поденщиков", то есть совхоза "Мир" и дорожно-строительной колонны.

Оказалось, что

"защищать двадцатигектарный бор ничуть не легче, чем отстоять чистоту Байкала, старый Арбат, Ясную Поляну, Кижы. Противник везде один — поденщина, действующая с неумолимостью машины".

Автор воображает спор между хозяином и поденщиком. Хозяин спрашивает:

"А ты прикинул, во что обойдется тебе отсыпка полотна? Ведь рано или поздно бор придется восстанавливать, иначе вонь и пыль задушат село. Загубленный лес поставит перед собой альтернативу: либо производственную зону переноси на другое место, либо жилую. Тысячами не обойдешься, миллионы потребуются".

Поденщик отвечает:

"Когда это еще будет! Сегодня тебя "режет" дорога, а бор не сразу погибнет, будешь ты к тому времени здесь или не будешь — ни Богу, ни начальству не известно, может, переведут, может, снимут, так чего тебе о будущих миллионах голову ломать? Не твое хозяйство, не твои миллионы. Да и так ли велика опасность? Жили в бору, проживем и без бора. Не сомневайся, действуй, важно быть на коне сегодня..."

Автор, совсем справедливо, задает себе вопрос:

"Так кто же мы такие? Зачем пришли на эту землю? Отжить свое и кануть в Лету, оставив после себя срам и позорище? В акте приемки наследства не расписались и передавать по акту же детям не собираемся — какой с нас спрос? На наш век хватило, потомки подумают о себе сами". (Всюду подчеркнуто самим автором).

Больше того:

"Значит, что же: поденщина — характерная черта нашего поколения? Увы, да. Нашему отношению к делу дано немало названий, но все они разновидности одной сущности — нерадения. Иначе бы не возникла необходимость перестраиваться всем, от рабочего до министра. Застой — не от машин, застой — от человека. При чем не единицы, а массы. Нерадение охватило массу... Это бы еще ладно, но безучастность, оказывается, способна к агрессивной защите своего нерадения... Силы, отстаивающие бесстрашное "поденное существование", обрушивают удары на носителей правды и совести, используя весь арсенал, накопленный злом: подставку и компрометацию, административный нажим и запугивание, поборы и приятельство..."

На других примерах автор дальше описывает эту "обстановку отчуждения", благодаря которой "науке, искусству, как, впрочем, и всякому делу, без соревнования идей грозит застой, который оборачивается колоссальным уроном обществу". В "старой деревне" был "лад жизни", "придуманый предками, как говорится, для души, в основе которого была целесообразная система обще-

ния". Но, "ныне село строится по генпланам..." Можно добавить, что не только село, но и вся Россия потеряла свой "лад жизни", свою "целесообразную систему общения, придуманную предками", и взамен этого получила "генплан".

Автор замечательно описывает сегодняшнюю Россию, но всю ее трагедию он объясняет "обстоятельствами окружающей действительностью". Эти обстоятельства, эта "обстановка отчуждения", эти "силы... использующие весь арсенал, накопленный злом" имеют конкретное имя: социализм, социалистическая система.

Но назвать по имени эту причину причин всего происходящего автор не может. Однако, он все же считает, что одних "организационных, технологических, планово-финансовых, наконец, административных мер" недостаточно, хотя с них и "должно начинать". Он пишет:

"Начинать с элементарного порядка. С дисциплины и ответственности. Но избавь нас лукавый принять это за перестройку".

Действительно, семьдесят лет "порядка и дисциплины" при неправильной, антинаучной системе как раз и привели нашу страну к сегодняшнему положению. Поэтому, суть настоящей перестройки как раз и заключается в полной ликвидации социализма. (То есть принципиально полной, но в техническом исполнении этой ликвидации, конечно, можно будет допустить известную градуальность).

Неизвестно, что подразумевает автор под "изменением образа жизни" в следующей фразе: "По моему, суть перестройки — в изменении образа жизни, в осознании каждым гражданином своей роли как строителя всей страны, ее содержания и смысла. В таком варианте речь пойдет о нравственной перестройке. Надо по новому строить человека". Тут прямое противоречие: сначала автор взывает к "ладу жизни старой деревни", каковой лад, с его нравами, и был нашей нравственностью, а потом он вдруг говорит о "стройке по новому человека"! Именно эта попытка социализма — "построить по новому человека", то есть пойти против естественных склонностей человека, уничтожить их и заменить чем-то новым, надуманным, и привела к сегодняшнему положению, и к необходимости очередной "перестройки". Социализм попытался заменить Бога, и сотворить "нового человека", и эта кощунственная по своей сатанинской гордыне попытка и привела нас к сегодняшнему положению. Так что, не продолжать "перестройку" надо, а, наоборот, обратить ее вспять, и ликвидировать ее, и лишь затем, продолжить *стройку*, в соответствии с человеческим естеством, и с его исторически развивавшимися нравами. Только стройка, а не дальнейшая перестройка, достигнут того, чтобы "радуга душевной красоты ширилась, проникая в каждого человека... чтобы преградить путь расползающемуся, как плесень в сыром месте, черному цвету", как это требует автор.

Автор, считая всех глухими, сам тоже глухой. Судя по статье, он не слышит того, что корень зла в общественной собственности, в отсутствии частника-собственника. Только частник-собственник, может умерять, уравновешивать своим эгоизмом эгоизм поденщиков, конечно при условии отсутствия монополий и гигантов. Но все же статья Ивана Васильева ценное свидетельство против социализма, а также и лишнее свидетельство о близости его гибели.

Н. ФЕДОРЕНКО

ПЕЧАТЬ

ТОМЛЕНИЕ ДУХА

Присяжные остряки от "Панорамы", гг. Вайль и Генис, избрали, видимо, своим лозунгом, перефразируя слегка слова Маяковского:

Остричь всегда, остричь везде.

и особенно, — по поводу совсем не смешных вещей. Немудрено, что юмор их становится час от часу все более натянутым, а шутки их — все менее забавными.

В № 283 лосанжелосского еженедельника, они избрали темой наркоманию, и стараются доказать, будто она одинаково распространена в СССР и в США (что не слишком верно). Но в СССР, — потешаются они, — ее приписывают серости и трудности жизни, а в США, наоборот, чрезмерной легкости существования. А вывод их: что мол СССР и США очень друг на друга похожи.

Рассуждения панорамских остроумцев не подымаются, — как и вообще им свойственно, — выше материалистического, хуже того, физиологического и экономического уровня. На коем ничего не объяснишь. Причины же потрясающего потребления наркотиков в наше время иные, — их пониманию не доступные.

Мир стал бездуховным, и люди, не имея идеалов, не находят и цели в жизни. В Советском Союзе им предлагают выветрившиеся идеи большевизма, в которые уже никто не верит; в Соединенных Штатах, — деляческие и бессмысленно гедонистические. Ни то, ни другое не в силах заполнить внутреннюю пустоту, насытить сердце и ум. Остается, — искать забвения.

Происходит именно то, что гениально провидел Тютчев:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек мучительно тоскует...

НИШЕТА ФИЛОСОФИИ

В "Панораме" № 282, в статье "На всякого мудреца довольно простоты", Б. Парамонов так резюмирует взгляды Бердяева на коммунизм: "Правда коммунизма в том, что он накормит голодных и оденет раздетых; а ложь коммунизма в том, что он строит это общество всеобщего материального благоденствия путем подавления духовной свободы". И констатирует затем, что коммунизм *не сумел* построить общества всеобщего благоденствия.

Не сумел? Да хотел ли? Сдается, идеал коммунизма, — для посвященных, а не выкрикиваемый на площадях! — состоял в создании общества полуголодного, получающего меньшее число калорий, чем необходимо для нормальной жизни, и одетого недостаточно, чтобы защищаться от холода или жары. Таким обществом легче управлять. Везде, где он имеет свободу рук, коммунизм именно и создает обширный концлагерь. Это — то, что ему требуется.

Далее Парамонов отмечает у Бердяева тонкое наблюдение, что: "Коммунизму присуща некая ложная, "темная" спиритуальность, исходящая из ненависти к жизни, к бытию как таковому". Сие — ближе к делу.

Остается изумляться, что Бердяев под конец жизни стал убежденным коммунистом, вывешивавшим над своим домом красный флаг! Правда, в тот момент старая эмиграция во Франции, где он обитал, вообще в массе обезумела и своим советским патриотизмом поражала и шокировала даже служащих эсэсэровского посольства в Париже.

Но об этом если говорить, то отдельно...

В. Р.

Зарубежная Жизнь

НОВОЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В АВСТРАЛИИ

Представителями российской политической эмиграции в Австралии создано общество "Русское Дело". Общество ставит своей задачей распространение исторической правды в судьбах России и борьбу против сепаратизма и большевизма. Заведующий делами общества является монархический деятель Евгений Георгиевич Фест. Представителем Русской Зарубежной Церкви в обществе состоит священник Дмитрий Симонов, бывший в годы Второй Мировой войны офицером Русского Корпуса на Балканах.

Господствующая идея

Монархический принцип, как это отметил С. А. Корф, исследовавший древние летописи, явился господствующей идеей летописцев. Любопытно, что даже летописи Новгорода, государства первоначально построенного на принципе народоправия, восхваляли монархическую идею в противовес форме правления, принятой в вольном городе. В летописях одни лишь государи удостоены биографией, а начиная с 12-го века, летопись принимает характер подлинной пропаганды монархии. Историк М. В. Шахматов, говоря об учении летописей о русской земле, о скреплении ее многоплеменных частей, о значении древнего князя и его политических задачах, особо подчеркнул это развитие идеи монархии. Постепенное формирование русского мировоззрения, отличного от греческого, приспособленного к чисто русским задачам, содействовало сплочению во едино отдельных ветвей государства. Принцип богоустановленного сильного единодержавия вырабатывался нашими древними писателями, воспитанными в духе православия, изучившими греческую философию и получившими высокое богословское образование, которому завидовали их западные современники.

Николай Воейков

гунова. "Скрыть "правды" в истории почти невозможно", — пишет он на последней странице своей книги. Я бы сказал несколько иначе: установить "правду" в истории может быть, еще менее возможно. Сейчас, например, после исследований проф. Ростовцева, даже и Нерон начинает казаться в несколько ином свете, чем он казался до проф. Ростовцева. После русской революции Петр Первый тоже кажется совсем не тем, чем он казался до этой революции. Но некоторые основные факты можно все-таки установить. Затруднение, конечно, заключается еще в том, что писать историю русской революции, не имея никакого доступа к России и к ее источникам, — дело вообще очень затруднительное. Затруднения усиливаются еще и тем обстоятельством, что вместо, так сказать "полицейского протокола" или полицейских протоколов историку приходится иметь дело с "самооправдывающимися мемуаристами" — термин принадлежит С. Мельгунову. "Несколько искусственная и вызывающая поза какой-то моральной непогрешимости, которую склонны без большой надобности занимать самооправдывающиеся мемуаристы" (стр. 27). "Каждый из современников видит то, что он хочет" (стр. 37). "Самооправдывающиеся мемуаристы становятся в благородную позу и обличают других" (стр. 113). В особенности достается А. Керенскому и "методу присущему его воспоминаниям — крайнему преувеличению" (стр. 89), его "экспансивному воображению" (стр. 19) и "некоторой слабости к красивым, показным и декларативным формулам, не только в воспоминаниях, но и в жизни". О П. Н. Милюкове автор выражается еще короче и еще красочнее: П. Н. Милюков всегда "был поистине своим собственным придворным историографом."

— 102 —

ки, эти фальшивки попадают к грамотным людям — вот, вроде Дж. Кеннана — и получается с о в с е м н е х о р о ш о .

**

Положение народно-монархической мысли есть о б ъ е к т и в н о трудное положение. Как, впрочем, и положение всякой мысли в среде, которая мыслить не собирается. Из этой среды наше Движение спасло для России много, очень много людей. Те концепции, которые в данной среде считались само собою разумеющимися, не подлежащими никакому сомнению и никакой критике начинают т а я т ь . Принципы н а р о д н о й монархии — волею или неволею — официально признаются людьми еще так недавно стоявшими на так сказать национально - к а с т о в о й платформе. Мои статьи о "Фальшивке Февраля" вызвали признание — вынужденное или нет, это другой вопрос — в "России" и даже в "Знамени России". Очень вероятно, что доклад ген. Спиридовича тоже связан с этой серией. В тяжелых условиях эмиграции мы расчищаем пути для Новой России, для тех людей, которые хотят работать для Новой России, которые не хотят больше н и к а к и х Февралей. И поэтому д о л ж н ы знать, чем именно обуславливался первый. Первый был вызван — по словам Царя-Искупителя — "изменой, трусостью и обманом". Этой измене и этому предательству нет никакого "оправдания". И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнаженном его виде. Но говоря о предательстве, мы обязаны знать, кто, как и з а ч е м занимался этой профессией, начиная от казни Царевича Алексея Петровича и кончая Февралем. Если мы не будем з н а т ь . нас предадут еще и еще и еще...

— 100 —

только политической, но и л и ч н о й травле со стороны знати: "мелкопоместный". Сейчас национально-театральная печать превозносит П. А. Столыпина и застапляет тень Распутина вести антистолыпинскую политику — нельзя же сознаться в том, что П. А. Столыпина травил именно "свои". Нужно валить на Распутина.

Московское купечество сделало ту же ошибку, которую делает мой корреспондент: оно смешало д в а р а з н ы х понятия — "режим" и "слой". "Режим" нуждался в некоторых поправках: собор, вместо "парламента", Патриарх вместо Синода, больше самоуправления на местах, больше национальных автономий, но именно к этому — за исключением "Собора" и вела политика Государя Императора. Однако, "слой" не годился н и к у д а . Его нужно было ломать, его нужно было заменить. Предчувствуя свое дальнейшее оскудение — слой пошел на предательство.

В деятельности П. А. Столыпина прошла мало замеченной одна сторона дела: выдвижение н о н ы х л ю д е й . Правда, и это выдвижение было жестоко ограничено "неписаной конституцией" — "слой" держался крепко и "не своих" старался не пускать или ставить им все палки в колеса! А. И. Гучков был бы наилучшим преемником П. А. Столыпина, но без разгона знати — он был невозможен. Разгон знати означал ломку всего аппарата власти и Империи — почти по Грозному.

Дальше: помимо купечества была русская интеллигенция, которая во всех областях человеческого творчества дала мировые имена — но которой ходу тоже не было. Самый наглядный пример: было учреждено министерство воздухоплавания, министром был назначен какой-то завалящий генерал Кованько. Не лучше ли было бы назначить И. И. Сикорского? Но это вызвало бы целую революцию. Был учрежден пост "главнонаблюдающего за физическим развитием" — на этот пост назначили генерала Воейкова, который не понимал в этом абсолютно ничего, и не назначили А.

— 95 —

в и л ь н ы м расчетом. Кинжал Брута не мог предусмотреть даже Цезарь. Святой Елены не предусмотрел Наполеон. А были — "великие люди". Царя-Освободителя почему-то не называют "великим", хотя абсолютно очевидно, что для России он сделал безмерно больше, чем Наполеон для Франции. У Царя-Освободителя тоже был свой план. Виновен ли Царь-Освободитель в "непредусмотрительности", когда с Манифестом о созыве Земского Собора в кармане, Он был убит изуверской бомбой?

**

"Оправдание революции"? Нет, нет н и к а к о г о оправдания революции — ни Февралю, ни Октябрю. Нет, н и к а к и х положительных сторон ни в Феврале, ни в Октябре нет. С почти математической точностью можно рассчитать, что к тридцати годам "слой" был бы все равно смыт жизнью — это только в анабиозе эмиграции он может считать себя еще существующим и даже живым. Нет, революции нет н и к а к о г о оправдания. И в ней не было никакого "народа". Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность — немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, — кровь и грязь, грязь и кровь...

В грязи и крови родился Февраль. В грязи и крови погибнет Октябрь, его законный наследник. А платить — придется н а м . И не только нам: платит и еще будет платить все человечество. Заплачена уже поистине с т р а ш н а я цена, но заплачена еще не вся.

Кровь Царя-Искупителя и на нас и на детях наших. Тут, просто ничего не поделаешь. Это уже ф а к т .

**

В мире случаются и мятежи и восстания и даже революции. Вычеркнуть всего этого из человеческой истории мы не можем. Но мы можем дать оценку, а иногда, найти и оправдание. Революционное движение Италии первой половины прошлого века, было обосновано и морально и политически: оно было направлено на борьбу с чужеземным австрийским владычеством, опи-

— 97 —

Чаплинского, который был и знатоком и энтузиастом. Но А. Чаплинский тоже вызвал бы "революцию". Слои стоял плотной стеной.

Мой корреспондент задает вопрос, который мог бы показаться действительно трагическим: а где же были "живые силы" страны? Везде, где угодно и сколько угодно — везде, кроме администрации и, в особенности, армии. Живые силы были в литературе и живописи, в биологии и химии, в технике и промышленности — были везде и были в огромном количестве. Кроме того, у нас был тип промышленных деятелей, каких нигде больше в мире не было: дельцы-идеалисты, вот, вроде Потанина или Верецагина (брат художника). Люди, которые строили и промышленность и хозяйство, совершенно не интересуясь личной прибылью. Почему можно предположить, чтобы русский народ, так одаренный вообще, а в государственном отношении, в особенности, был бы начисто лишен государственно-строительных "живых сил"? Они были. Но ходу им не было. Еще бы десять-двадцать лет без заговоров и революций — эти люди все равно пробилась бы к власти. Но им ходу не было, да и они сами часто не хотели идти. Когда издателю "Нового Времени" А. С. Суворину было неофициально предложено место в Государственном Совете, он отказался наотрез: принять это предложение значило бы погубить газету: марка Государственного Совета не дала чести никому.

Все эти деятели оставались вне власти, вне участия во власти и над каждым из них сидел какой-то, прости Господи, губернатор, кое-как окончивший кое-какой суррогат университета, вне "хороших манер" не имевший никакой ни подвижности, ни неподвижности. Получался тупик.

Слой можно было ломать. Слой можно было размывать. Эволюция не удалась. Но мы не знаем, — а что получилось бы из "революции"?

Расчет Государя Императора, рассматриваемый сейчас, почти сорок лет спустя, остается все-таки пра-

— 96 —

равшимся на самые реакционные слои Италии. Пугачевское восстание было оправдано морально, но было бесперспективно политически. "Великая" французская революция имеет свое социальное и моральное оправдание: безумная роскошь двора за счет сплошной нищеты народных масс, финансовые катастрофы, моральное разложение династии. Однако, в результате революции Франция с первого места в мире сошла приблизительно на пятое-шестое. Для того, чтобы сделать эту разницу в "местах" наглядной, попробуем представить себе сегодняшнюю Францию, ведущую наступательную войну даже против сегодняшней России. Представить будет трудно. Таким образом, моральное оправдание еще ничего не говорит политически — Франции лучше было бы идти эволюционным путем. Имела свое оправдание и моральное и политическое, американская революция против Англии. Так что даже и "революции бывают разные". Но русская революция не имела ни как и оправданий — ни моральных, ни социальных, ни экономических, ни политических. Ее устроил правящий и ведущий слой — университетская, военная, земельная и финансовая элита, и каждая в своих узко эгоистических интересах. Исходной позицией революции были не "возмущение народных масс", не "неудачи войны", — были клевета и предательство. В этом предательстве первая скрипка, конечно, принадлежит именно военным кругам: П. Н. Милюков никому не присягал — военные круги присягали. Но их роль (если "Н.Р.С." передало доклад ген. А. Спиридовича правильно) докладчик постарался затушевать — может быть, тоже потому, что все-таки "свои люди". Но абсолютно ясно, что, без военных верхов "дворцовый заговор" пяти московских купцов остался бы сто-процентной маниловщиной.

♦♦

Я очень хотел бы, чтобы наши друзья — не столько "читатели", сколько друзья, дали бы себе ясный отчет в чрезвычайно трудном положении народно-монархической мысли в эмиграции.

— 98 —

ТРАГЕДИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ОЧЕВИДЦЫ

С. Мельгунов выпустил в свет свою очередную работу, посвященную русской революции: "Судьба Императора Николая Второго после отречения", заключительная часть трилогии "Революция и Царь". В предисловии к книге, автор приносит свои извинения за недостатки этих работ: "Условия 1939—1944 г. г., когда ненормальный для научной работы эмигрантский быт соприкоснулся с новой и мировой катастрофой". Этот "быт" и эта "катастрофа" не могли, конечно, не наложить своего отпечатка на этот грандиозный не только для эмигрантских условий труд. Он излишне насыщен случайными деталями в нем излишне фигурируют случайные персонажи, и это запутывает общую картину. Впрочем, эти детали и эти персонажи иногда могут служить прекрасной иллюстрацией к февральскому кабаку. С. Мельгунова запутан и часто невнятен, — некоторые фразы приходится перечитывать по три-четыре раза, чтобы понять, так что же, собственно, хотел сказать С. Мельгунов? И без достаточной уверенности в том, что на пятый раз, данная фраза будет понята правильно: ученые люди склонны к некоторой невразумительности. Это делает книгу громоздкой (420 страниц) и для среднего читателя мало доступной — и по стилю, и по объему, и, вероятно, по цене. И вместе с тем за все наше послереволюционное время у нас, может быть, не было ни одной работы по истории русской революции, которая была бы проделана с объективностью, добросовестностью и скрупулезностью С. Мель-

— 101 —

Будучи монархической, эта мысль обязана смыть всю ту клевету, которою и слева и справа облила русская Монархия: ибо, — если признать, что распутинская легенда была фактом и "кровавый царский режим" был тоже фактом, — тогда монархизм теряет всякий смысл. Тогда он из национально-исторической концепции, основанной на национально-исторической реальности, превращается в мечту: ах, как было бы хорошо, если бы у нас была бы такая монархия, какая нам нравится, — безотносительно к тому, возможна ли она не в мечте, а в реальности.

Будучи народной, эта мысль обязана подняться над предрассудками, вождедениями, интересами, навыками всякой касты, — правая русская эмиграция на эти касты раздроблена вдребезги, — отсюда "восемьдесят организаций", и ни одной настоящей.

Будучи православной, эта мысль не имеет права ни бороться за свое существование путем клеветы, ни даже "молчанием предавать истину".

Это — окаянно трудный путь. Но, если, страха ради иудейска, оставить этот путь, — тогда народно-монархическая мысль превращается в бессмыслицу: тогда мы будем повторять старую, до тошноты приевшуюся декламацию, будем идти старыми путями разгрома и позора, тогда мы не достигнем ничего, и не построим ничего. Будет новый провал в какой-то новый Февраль.

Большинство правой эмиграции — это военные. Традиция "аполитичности" обернулась полным политическим и историческим незнанием. Знание заменено символами, табу, тотемами, козлами отпущения, Бабой-Ягой и Кошечем-Керенским. Вот — говорит же генерал А. Спиридович, что А. Керенский спасал офицеров. То же пишет и С. Мельгунов. То же пишу и я. Генерал А. Спиридович знает, как было дело, знает Мельгунов, знаю и я. Мне и С. Мельгунову можно не поверить — почему не поверить А. Спиридовичу? Но, вот, печатаются безграмотные фальшив-

— 99 —

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Солженицын. "Март Семнадцати" (Париж, 1986).

Мы долго ждали эти два тома, и вот наконец они в наших руках, зато большие: 712 и 756 страниц.

Больше, чем в предшествующих частях цикла "Красное Колесо", история слита с сюжетом романа. Даже слишком. Спрашиваешь себя, не правильнее ли сделал Пушкин, разделив на две отдельные вещи "Историю пу- гачевского бунта" и "Капитанскую дочку"?

Судьбы героев, ставших нам уже близкими, — Воротынцева, Андозерской, Верони и Ликони, малопривлекательного Ленартовича, — тонкой струйкой пробиваются сквозь толщу событий, то надолго уходя под землю, то вливаясь в разлившиеся озера. Другие, — Саша Лаженицын, Оренька Томчак, Благодарев, — отсутствуют вовсе.

Можно бы и иначе повествование построить, избрав центральными персонажами вполне исторические лица, в частности царя Николая Второго и его жену, которые здесь выдвигаются на первый план и, понятно, живейшим образом притягивают наше внимание. Но и с ними опять-таки: после коротких эпизодов, где мы видим их мысли и чувства, объектив переносится на Милюкова, Керенского, Протопопова и не слишком интересных нам Шляпникова, Гиммера, Шингарева и пр. (Ленин появляется только в конце, и на миг)

В результате, мы имеем дело скорее с беллетризованной, увлекательно составленной хроникой февральской революции, чем с романом *stricto sensu*. Она имеет, разумеется, свою — и высокую — ценность и очарование. Однако; скажем все жестко пара слов об участии героев прежних частей, "Августа Четырнадцатого" и "Октября Шестнадцатого".

Полковник Воротынец, выясняется, — мужчина непостоянный в любви. Ах, уж эти военные! Мы не без сочувствия к нему наблюдали как он от своей скучной и ограниченной эгоистки-жены перекинулся к ногам умной, волевой Ольды Андозерской. И вот уже и та им покинута ради некой купеческой вдовушки, — очаровательной, молодой и, главное, беспроблемной. Что ж, в сущности, по человечеству, — и тут его можно понять. Ликоня влюбляется; но в кого?! Предмет ее страсти тщательно засекречен... Авось раскроется нам в слудующих томах; с тем боль-

шим нетерпением предвкушаем удовольствие их прочесть.

Относительно второй намеченной нами линии, — горькое разочарование уготовано тем, кто уповал, что автор сочинит пасквиль на нашего последнего Государя! Они путали мнения Воротынцева со мнениями самого писателя; а оказывается, тут есть две большие разницы, как говорят в Одессе. Да и, притом же, — и Воротынец-то у нас на глазах от своих прежних предубеждений отказывается.

Царь же, — даже и для вовсе непредубежденных читателей, скажем, для иностранцев, незнакомых с историей России, — предстает как благородный, бескорыстный и добрый человек, поставленный роком перед лицом непосильной, ибо сверхчеловеческой задачи. Многие места о нем — дивные и трогательные (когда он молится за Россию; когда, на последних страницах книги, заносит в дневник страшные слова: "Кругом измена, трусость и обман").

Так и с императрицей Александрой Федоровной. Мы с волнением присутствуем при трагедии смелой и сильной женщины, прикованной к постели больных детей в момент, когда нужно активно включиться в борьбу; — а она бы и сумела, и способна была бы...

Зато другие все потенциальные защитники порядка против революции приводят поистине в отчаяние; и никакими силами нельзя понять, почему вышло, что *такие* люди оказались на ключевых постах?

Генерал Хабалов действует, — то есть бездействует! — вопреки всякому здравому смыслу, вопреки всему, что должно быть ясно не только военному человеку, но хотя бы и сугубо штатскому с головою на плечах. Генерал Иванов проигрывает себя, — в согласии с отзывом о нем Гучкова, — как "мешок, а не боевой генерал"; что и дает Солженицыну право резюмировать его личность поговоркой: "Борода Минина, а совесть глиняна". Остальные, — балансируют на грани сознательного предательства (Алексеев) или прямо его совершают (Русский).

Против же них, — с заслуженным презрением изображенная *говоришня*: кадеты, эсэры, меньшевики... и прицеливающиеся их всех оттеснить большевики.

И какой-то нелепый, патологический страх властей перед пролитием крови. Из-за которого именно льется кровь; и готовится тысячекратное кровопролитие в грядущем!

Отчего же на Западе не колебались в таких случаях пускать в ход оружие: отчего у нас не колебались в 1905 году, — и с блестящим результатом!

Бессмысленный бунт подонков городского населения растет, захватывает солдат, затопляет столицу, — *ибо не встречает сопротивления!* Когда же встречает, когда находятся разумные и мужественные люди, как полковник Кутепов, или даже отдельные офицеры ниже его чином и искусством, и оказывают *сопротивление*, — сразу налицо и успех, и разнузданная стихия начинает отступать. Но их, людей долга, и идущих за ними честных солдат, начальство не умеет ни оценить, ни поддержать, и их усилия остаются втуне. Они гибнут или отходят от дела.

Легко предсказать, что теперь вновь разгорится вокруг Солженицына свистопляска нечистых сил. Станут кричать, что он антисемит: зачем у него появляются несимпатичные евреи (названные и неназванные по именам). Да что же делать, когда они были (и следы оставили)? Сказал же сам Ильич: "Факты — упрямая вещь!" Ну и насчет Думы, и "прогрессивной" интеллигенции и ее роли, — будут вопить и браниться; правда, она не всякому нравится. Что до нас, — поблагодарим Александра Исаевича, что он ее высказал.

Позволим себе кое-какие мелкие замечания. Очень неприятна сверхмерная и сверхсоветская манера ставить точки над *e*; но уж тогда надо бы правильно. А то вот фамилия *Глобачев* имеет ударение на первом слоге: и потому неверно писать *Глобачёв*. Опять же, фамилии как *Родзянко* и *Терещенко* по законам русской грамматики несклоняемы (хотя оно и неудобно; но ведь — *dura lex, sed lex*); а тут — они видоизменяются по всем падежам. Слово *кризисный* возникло совсем недавно; в те дни, о коих речь (да и позже, вплоть до Второй Мировой) вместо него говорили *критический*. Нужно ли вместо *топать* писать *тупать*? Сомневаемся... И — что такое *тоуро* (том 1, стр. 258)? Не знаем такого наречия. Или уж это — опечатка, за место *хмуро* либо *понура*?

Бесспорно, впрочем, незначительные недостатки вроде перечисленных не помешают поклонникам таланта Солженицына проглотить его новые произведения с таким же энтузиазмом как и прежние, несмотря на их, на сей раз, несколько более трудный для усвоения характер.

Владимир Рудинский

Кроме того, обратим внимание также на многочисленные шведские фамилии, оканчивющиеся на сочетание *-стрем*, как Анкарстрем (фигурирующий, между прочим, в той же книге Жаколио, и вошедший в историю с печальной славой царевубийцы, застрелив на придворном балу из пистолета короля Густава Третьего), Ангстрем, Бострем и т. д.

Гольфстрем входит нормально в тот же ряд, ибо связано как и другие его члены со шведским словом *stroem* "поток"; тогда как *Гульфстрим* в рамках русской речи ни с чем не рифмуется и стоит особняком. Мы полагаем, что сие является лишним аргументом, — хотя, допустим, он сам по себе и не решающий, — в пользу того, чтобы предпочесть традиционной формы *Гольфстрем*.

РЕСИФИ ЗАКСЕН

В книге "Второй Израиль для территориалистов?" (Мюнхен, 1981), Б. Ефимов предлагает создать для евреев, недовольных Израилем, особое государство, *Новую Иудею*, в виде плывучего острова, свободно передвигающегося по всему земному шару; причем сия страна будет иметь официальным языком английский и входить в состав Соединенных Штатов. Кому это нужно, и кто на такое согласится, — обсуждать не будем, за явными нереальностью и фантастичностью проекта.

Остановимся на другом. Автор резюмирует историю существовавших еврейских государств, и попыток устроить подобные государства; и сей очерк изобилует неверными и нелепыми написаниями местных и личных имен, свидетельствующими о весьма невысоком общем культурном уровне смелого реформатора нашего мира.

Приведем несколько примеров. Бразильский город Ресифе превращается в *Ресиф*. Что уж удивляться, если Кайенна, зловещая французская каторга в Гвиане, делается *Каенной*. Фамилии соратников Колумба даны в курьезной форме, наводящей на мысль об английском акценте: *Санг-ангел*, *Бернал*, *Карвахал*, вместо Сантанхель, Берналь и Карвахаль, как бы следовало. Рядом читаем и *Хернандо Алонсо*, вместо Эрнандо Алонсо. В соответствии с новейшими советскими вывертами, остров Фернандо де Норонья назван *Фернанду ди Норонья*. Еще нелепее и возмутительнее формула: "польский священник Ксаверий *Шановски*", вместо Шановский.

Но смешнее всего то, что знаменитый полководец, сын польского короля и предок писательницы Жорж Занд, маршал Мориц Саксонский, именуется здесь... князь *Герман-Мориц фон Заксен*. Если совсем не знать историю и не иметь понятия о русской литературной традиции — стоит ли пускаться в экскурсы о мировых событиях с глубокой древности до нынешних дней? Ну, может быть, Ефимов свой трактат сочинял наспех. Вспомнил бы, однако, поговорку: "Поспешись, — людей насмешись!"

Аркадий Рахманов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЖАБОЙ

В. Рудинский, в "Голосе Зарубежья" № 43, сравнивает некоторых новейших эмигрантов, вроде И. Шамира, Г. Андреева, Л. Копелева, Р. Орловой, А. Синявского и Г. Владимова, с черной жабой, по причине явно у них засевших в головах и ими непреодоленных пережитков большевизма. Может быть, даже лучше было бы сказать тут: красная жаба? Но уж сочинителю виднее...

А я хочу за себя сказать, что к подобному жабьему стану принадлежать ни за что не намерена! Если в нем пребывать, — не стоило и из СССР выезжать. Но, слава Богу, есть ведь из нашей третьей волны много людей, и совсем между собой разных, которые и большевизм, и коммунизм полностью твердо отвергают. Например, Н. Коржавин, Д. Штурман, Ю. Фельштинский, М. Гольдштейн, Е. Кармазин, Э. Бройде, Д. Панин, и, конечно, прежде всех, — А. Солженицын!

Это вот — не болотные квакушки, увязшие в тине мутных фраз, а белые лебеди, большие и маленькие. Желала бы я всей душой хоть бы и скромное место занять именно в их стае!

Фанни Винберг

Языковые Уродства

ЕЩЕ О ГОЛЬФСТРЕМЕ

К вопросу о форме *Гольфстрем* или *Гульфстрим* можно бы, пожалуй, подойти с точки зрения аналогии, сравнив их с кое-какими иными словами нашего языка. Так, по-русски существует название другого вида течения, *мальстрем*, которое мы встречаем в "Капитанах" Гумилева:

Кто изведал мальстреми и мель.

А в романе Луи Жаколио "Грабители млрей", переведенном на русский язык и изданном в Петербурге в начале нашего века, не только это название употребляется, но и подробно объясняется свойство данного коварного и опасного для мореплавателей природного феномена, и даже указывается географические точки у берегов Скандинавии, где он имеет место.

Издательство и Редакция "Нашей Страны" обращаются к каждому подписчику с просьбой постараться найти хотя бы одного нового подписчика на нашу газету.

Трибуна Читателя

О НОВОЙ РОССИИ

Термин, употребляемый А. Федосеевым — "Новая Россия", чтобы назвать будущую послесоветскую Россию, — довольно удобен и точно определяет о чем идет речь, а именно: о России после освобождения ее от политической системы обозначаемой буквами СССР.

Авторы, пишущие на эту тему не стараются разделить вопросы, касающиеся будущей России на категории. Однако, разделение на категории (политическое устройство, экономическое, судебное устройство и социальное) могло бы способствовать большей ясности в прениях. Мы не можем предсказать во что выльется будущее, но можем обсуждать — какое будущее мы хотели бы видеть, если даже шансы ликвидации СССР в настоящее время не велики.

Перечислим известные системы устройства государства вообще. Политическое устройство Новой России может быть: историческая монархия (самодержавная или конституционная); народная монархия по схеме И. Солоневича; демократическая республика (с президентской или парламентской системой); корпоративное государство по типу итальянского фашизма; правые (не тоталитарные) диктатуры, по типу Чили, преимущественно военные. Можно добавить промежуточные системы вроде полу-корпоративного государства, по системе НТС (Народно-Трудового Союза) и республику по образу Швейцарии.

Большинство из этих систем при известных обстоятельствах оказались жизненными и приносили пользу тем странам, где они устанавливались.

Вероятно и Новой России некоторые из перечисленных систем (а не только одна), могли бы оказаться жизненными и помогли бы скорому восстановлению России после конца большевизма.

Теперь, о возможностях экономического устройства:

Полная свобода торговли и промышленности, показали свою исключительную жизнеспособность в России с конца прошлого столетия, до 1917 года; дальнейшее развитие свободной торговли и промышленности привело бы к образованию в России больших корпораций, которые составляют в Америке один из главных элементов исключительного экономического процветания за последние десятилетия (что оспаривается, мне кажется, без достаточных доказательств, А. Федосеевым).

Свобода торговли и промышленности с концентрацией ее в корпорациях, ограниченная высокими налогами, необходимыми для военных нужд в настоящее время, но не нужных в современном их объеме после падения большевизма, не нужных им в Новой России, ни в будущей Америке. Так же могут быть налоги необходимые для перераспределения богатств, то есть уменьшения доходов капиталистов для помощи нуждающейся части населения (бездомных, безработных и т. д.). Такое перераспределение богатств есть элемент социализма, по видимому в сов-

ременном индустриальном обществе необходимым.

Следующая система, будет система, заключающая в себе значительные ограничения свободы торговли и промышленности путем крайне высоких налогов, а также путем владения правительством значительных секторов индустрии. Такую систему можно назвать полу-социализмом и приблизительно такую разновидность социализма проповедует под названием "солидаризма" НТС.

Наконец, следует упомянуть демократический социализм, доктрина которого разработана фабианским обществом в Англии и нашими меньшевиками. Также следует упомянуть и программу партии социалистов-революционеров, получившей большинство голосов при выборах в Учредительное собрание в 1918 году.

Совсем отдельно можно поставить систему "социального баланса", которую разрабатывает А. Федосеев. Он горячий противник и социализма, и корпораций. Однако, система Федосеева заключает в себе главные основы социализма:

Народы не имеют право владеть землей, капитал отдельных лиц ограничивается определенным потолком; корпорации не допускаются, также как и не существует финансовая биржа.

В устройстве сельского хозяйства существует несколько возможностей: мелкое раздробленное землевладение, коллективные фермы на добровольных началах, хутора по системе Столыпина или большие сельскохозяйственные фермы в единоличном владении или во владении акционерных компаний с наемной рабочей силой. Как в промышленности, торговле, так и в сельском хозяйстве та система, которая наиболее продуктивна, должна преобладать. Преобладание это может образоваться или в результате конкуренции разных систем или путем зако-

нодательным.

Третий вопрос — судебное устройство Новой России. Может быть принято универсальное законодательство, разработанное в эпоху великих реформ имп. Александра Второго, которое применимо при любой политической системе Новой России, даже несмотря на то, что в ней останется наследие советского режима во многих областях жизни. Другая возможность, разработка новых законов или добавлений к старым русским законам и уставам 1861-63 годов.

Четвертый вопрос — социальное устройство Новой России. При свободном правовом государстве (при республике или монархии) вопросы социального законодательства (страхования, больничные и другие, пенсии, плата за обучение, помощь безработным и обедневшим в результате несчастий и проч.) могут быть разрешены довольно легко сообразуясь с российскими социальными законами, существовавшими до 1917 года, или с практикой передовых стран Запада, особенно Америки, или на совершенно новой основе.

Кроме затронутых автором четырех вопросов государственной жизни Новой России, существуют и другие вопросы, желательные для обсуждения, например вопрос Церкви.

А. И. Солженицын мимоходом упомянул о желательности какой-то другой "нравственной" (если можно так сказать) диктатуры, давая понять, что она могла возглавляться Церковью. Попытка установления такой диктатуры при царе Алексее Михайловиче привела к устрашающим последствиям. Положение Церкви в Новой России требует также обсуждения. Реформа имп. Петра Первого в церковном вопросе оказалась весьма жизненной, удобной при монархии, но не подходящей при республике.

Б. Бровцын (США)

От редакции: никаких высказываний в пользу "нравственной диктатуры" А. И. Солженицын никогда не делал.

GLOBUS A Slavic Bookstore

332 Balboa St. SAN FRANCISCO
CA 94118 Tel. (415) 668-4723

Предлагает новые и старые книги, опубликованные эмигрантскими издательствами, журналы и газеты, а также открытки, пластинки и кассеты.

Выполняет работы по переплету и реставрации книг.

Каталог высылаем по требованию.

А также снова возобновилась продажа единственной еженедельной монархической газеты "Наша Страна".

Журнал «Согласие»

В г. Лос Анжелосе издается русский патриотический журнал "Согласие" на 64 страницах.

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Подписная плата в США — 15 долл., за границу 18 долл.

Чеки направлять по адресу:

"Soglasie"
5430 Fernwoode Avenue
Los Angeles, CA 90027

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Киреев, Монро 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980